

Евгений Деменок

Лев Магеровский – хранитель русских архивов

Что делает приличный одессит, попавший на довольно продолжительное время в другой город или страну?

Правильно. Ищет там других одесситов.

Что делает приличный одессит-исследователь, попавший в библиотеку или архив другого города или страны?

Правильно. Ищет сведения об одесситах, которые там жили или работали.

Так случилось и со мной, когда я впервые попал в Славянскую библиотеку в Праге и узнал о находящемся в ней Русском заграничном историческом архиве.

РЗИА был основан в Праге в 1923 году, и миссией его было приобретение, сбор и сохранение любых печатных и рукописных материалов по истории русского общественного движения, войны, революции, белого движения в эмиграции (газет, журналов, брошюр, отчетов, дневников, фотографий, рисунков и т. д.). Архив занимался активным сбором документов двадцать два года, и за это время в нем были накоплены поистине бесценные

Лев Магеровский, 1925 год

материалы. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что одним из создателей архива был одессит Лев Флорианович Магеровский! Это имя было мне совершенно не известно, так же, как – уверен – и подавляющему большинству одесситов сегодня. И я шаг за шагом начал собирать биографические данные Льва Флориановича, чтобы вернуть его имя Одессе.

Но перед тем как рассказать о нашем выдающемся земляке, позволю себе небольшой исторический экскурс, объясняющий читателю, почему Русский исторический архив был собран именно в Праге.

* * *

Вот уже совсем не за горами столетняя годовщина тех событий, которые в корне изменили путь развития не только России, но и всего мира. Речь идет об Октябрьской революции. Кто-то называет ее Великой, кто-то – кровавым переворотом или несчастьем. Как бы там ни было, она расколола российское общество на два непримиримых – пожалуй, непримиримых до сих пор – лагеря. В результате несколько миллионов российских граждан покинули родину навсегда, оказавшись в вынужденной эмиграции и найдя себе прибежище – или новый дом – на огромной территории от Харбина до Буэнос-Айреса. Константинополь, София, Белград, Берлин, Париж – все эти и многие другие города стали временными или постоянными центрами русской эмиграции. Есть в этом списке и Прага. И она занимает в нем особенное место.

Русскую эмиграцию в Чехословакию можно условно разделить на две волны. Первая волна, 1917-1918 годов, состояла, в основном, из русских, работавших в Чехии, еще являвшейся частью Австро-Венгрии; сотрудников российского дипломатического корпуса и русских офицеров – военнопленных или бежавших из прибалтийских государств. Уже в декабре 1918 года был образован Комитет Общества русских офицеров. Незадолго до этого был образован Чешско-русский комитет.

Вторая волна эмиграции докатилась до Чехословакии в 1919-1922 годах. Сотни тысяч военных и гражданских после взятия

большевиками Одессы и Крыма оказались в Южной Европе – Болгарии, Турции, Сербии. Кто-то остался там, но большинство уехало. Часть из них оказалась в Чехословакии. К 1925 году в Чехословакии находилось около 30 тысяч беженцев из России.

Положение русских эмигрантов в Чехословакии принципиально отличалось от положения русских эмигрантов во всех других странах. Отличалось в лучшую сторону. Случилось это потому, что в 1921 году чехословацкое правительство приняло решение о начале Русской акции помощи. Это была государственная программа поддержки русских эмигрантов, которая затрагивала практически все стороны жизни эмигрантов, начиная с образовательных учреждений и заканчивая поддержкой русскоязычных печатных изданий. Русская акция помощи была уникальным явлением. Именно благодаря ей о Праге говорили как о русском Оксфорде. Именно благодаря ей стало возможным создание Русского заграничного исторического архива, материалами которого мы можем воспользоваться и сейчас.

Русская акция помощи характеризовалась несколькими важными особенностями. Во-первых, она не была собственно русской – наряду с русской эмиграцией поддерживалась украинская, белорусская, кавказская и другие. Во-вторых, помощь была во многом нацелена на поддержку учебной, педагогической, научной деятельности – около 3,5 тысяч человек смогли получить высшее образование на русском языке, в начале 20-х в Праге работало около 100 русских ученых. В-третьих, она была социально однородной. Возможно, помогло удачное стечение обстоятельств – эмиграция в Чехословакию состояла, в основном, из интеллигенции и селян. Что касается политической ориентации, то направлена помощь была, в основном, на поддержку демократических политических сил в России и в Украине – именно построение будущей по-настоящему демократической России было целью и ориентиром для чехословацкого правительства. Центром таких сил в Чехословакии стал «Земгор» – Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии.

А центром самой эмигрантской жизни, безусловно, была Прага. Однако очаги эмигрантской жизни существовали в Брно и в Братиславе. В Пршибраме, в Горной академии, училась

и работала многочисленная группа русских, украинских и белорусских студентов и профессоров. В Подебрадах находилась Украинская хозяйственная академия, в Моравской Тржебове работала русская гимназия-интернат. Группы эмигрантов жили в небольших городах и деревнях – все, наверное, знают Вшеноры и Мокропсы, связанные с пребыванием в Чехословакии Марины Цветаевой.

Однако революции и гражданской войне предшествовали и сопутствовали другие, не менее важные события – первая мировая война, восстание Чехословацкого корпуса, образование собственно Чехословакии как независимой республики. Эти события стали причиной небывало тесного контакта чехов и русских. Ведь не только русские оказались в Чехословакии – до этого сотни тысяч чехов и словаков оказались в России как солдаты австро-венгерской армии либо как пленные, а позже – как члены чехословацких легионов.

Наверное, корни и истоки Русской акции помощи можно искать в популярных тогда идеях панславянства, славянского братства, славянского единства. И президент Чехословацкой Республики Томаш Масарик, и первый премьер-министр Карел Крамарж в той или иной степени были приверженцами этих идей. И тот, и другой жили и работали в России и хорошо знали особенности русской жизни и характер русского народа. Другой причиной было негативное отношение к большевикам и их правлению. Томаш Масарик множество раз устно и печатно высказывался о России и большевизме, его статьи были собраны в книгу «Советская Россия и мы». Он предполагал, что на смену большевистскому режиму к власти в России придет демократический режим, и управлять новой Россией будут новые люди, которых нужно готовить, в том числе и в демократической Чехословакии.

Значение событий тех лет трудно переоценить – как для России, так и для Чехословакии. И сегодня в Чехии живут потомки тех эмигрантов, которые приехали в страну после революции. Не только Чехословакия помогала беженцам – это был двухсторонний процесс. Русские эмигранты отдавали своей новой родине знания, умения, опыт.

С послереволюционным и межвоенным периодом существования русской эмиграции в Чехословакии связано множество выдающихся имен и интересных событий. Одно из этих имен – Лев Магеровский.

* * *

Имя Льва Флориановича Магеровского до сих пор незаслуженно находится в тени более известных представителей русской межвоенной эмиграции в Чехословакии. Незаслуженно по целому ряду причин и совершенно необоснованно с учетом вклада Льва Флориановича в дело сохранения исторического и культурного наследия русской эмиграции.

Приведу лишь несколько фактов. Именно Магеровский вместе с двумя другими представителями Союза русской трудовой интеллигенции, педагогом Зигфридом Григорьевичем Ашкинази и адвокатом А.С. Гуровичем, на встрече с министром иностранных дел Чехословацкой Республики Эдвардом Бенешем вручили ему меморандум с изложением мер помощи русским беженцам, при этом основные пункты меморандума изложил Лев Флорианович. Это было весной 1920 года, и уже через год, летом 1921 года, начала практически осуществляться Русская акция помощи, в которой чехословацкое правительство в той или иной степени придерживалось этих основных пунктов.

Лев Магеровский стоял у истоков создания Русского заграничного исторического архива и был бессменным заведующим его газетного отдела. Руководил русским «Соколом» в Чехословакии. Создал информационный канал, связывающий эмигрантов с окружающим миром, – телеграфное агентство «Руссунион». Был одним из создателей и членов правления «Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии». Эмигрировав в США, стоял у истоков создания русского Бахметевского архива при Колумбийском университете и без малого тридцать лет был его заведующим.

Пожалуй, более чем достаточно для того, чтобы более пристально изучить биографию этого удивительного человека, которого с полным основанием можно назвать собирателем и хранителем бесценной информации.

* * *

Весь жизненный путь Льва Флориановича Магеровского можно разделить на три этапа: русский, чешский и американский. В Славянской библиотеке, в архивах РЗИА, хранятся написанные им собственноручно в 1936 и 1937 годах автобиографии, которые можно с уверенностью считать самым надежным источником информации о его жизненном пути до этого периода.

Лев Магеровский родился 18 февраля 1896 года в Одессе и окончил Ришельевскую гимназию, после чего поступил во Владимирский киевский кадетский корпус, который окончил в июне 1914-го. Специальное военное образование получил в Петрограде, в Михайловском артиллерийском училище. Высшее образование начал в Александровской военно-юридической академии в Петрограде, продолжил на юридическом факультете университета св. Владимира в Киеве и закончил уже в 1927 году в Праге, на Русском юридическом факультете. Действительную военную службу начал в 1914 году юнкером Михайловского училища, в 1915-м произведен в офицеры артиллерии и направлен в действующую армию, на Юго-Западный фронт. В 1916-м служил начальником воздушной обороны штаба VIII-й армии (генерала Брусилова).

И все же призванием его было отнюдь не военное дело. «Журналистскую работу начал до войны», – пишет Магеровский в автобиографии. «Во время войны с разрешения командующего VIII-й армией генерала Брусилова был военным корреспондентом «Киевлянина», кроме того, писал с фронта в одесских и столичных газетах. Во время немецкой оккупации Украины в 1918 году работал в газетах «Голос Киева» (бывший «Киевлянин», закрытый герм. властями), «Киевском утре» и др. газетах союзнической ориентации. Во время белого движения работал в южнорусских изданиях и в сети Бюро печати, заменившей сеть русского государственного телеграфного агентства (Петроградское телеграфное агентство – ПТА). В 1918-19 гг. писал под руководством проф. К. Воблаго специальную работу по кафедре статистики и политической экономии: «Развитие почты и телеграфов в России в XX столетии».

Призвание станет профессией. Всю свою жизнь Лев Флорианович будет собирать, хранить, распространять информацию.

В годы гражданской войны он был сотрудником ОСВАГа – Осведомительного агентства, информационного органа Добровольческой армии, в дальнейшем – Вооруженных сил Юга России. В Одессе находилось одно из отделений ОСВАГа, а также одно из крупнейших издательств. В подчинении ОСВАГа находился целый ряд газет (среди них «Великая Россия», «Свободная речь», «Жизнь», «Народная газета»), журналов и театров; им издавались плакаты, листовки и брошюры, а для освещения событий на фронте и в тылу даже снимались кинофильмы.

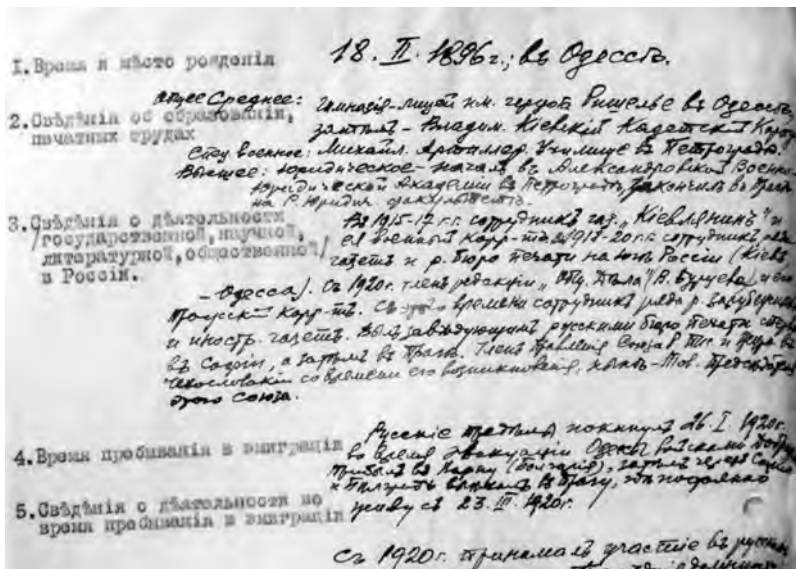
С ОСВАГом в те годы сотрудничали писатели Иван Бунин и Евгений Чириков (тоже оказавшийся потом в Праге), художники Иван Билибин и Евгений Лансере.

Когда ОСВАГ весной 1920 года был преобразован в Службу прессы и информации правительства Юга России, Лев Магеровский продолжил работу там – вместе с известным публицистом и издателем Владимиром Львовичем Бурцевым, работу с которым он продолжит в Праге.

Русский период жизни Льва Магеровского окончился 26 января 1920 года. Это был период эвакуации войск Добровольческой армии из Одессы. За несколько дней до этого на пароходе «Дюмон д'Юрвиль» из Одессы отплыла целая группа литераторов: Я.Б. Полонский, А.П. Шполянский (Дон-Аминадо), журналист Василевский (Не-Буква), известный художник-карикатурист Ремизов (Ре-Ми). 9 февраля в одной каюте с Н.П. Кондаковым в Константинополь отплыл Иван Алексеевич Бунин.

«26 января 1920 г. выехал из Одессы в Варну вместе с Особой делегацией в славянские страны, во главе которой стоял академик И.А. Бунин, – пишет Магеровский. – Проехав по Болгарии и Югославии, прибыл в марте 1920 г. в Чехословакию. Поселившись в Праге, продолжал журнальную работу как сотрудник русского публициста В.Л. Бурцева и участник его изданий и информационной организации. Член редакции «Общего дела», корреспондент ряда русских газет, выходящих в Европе, Америке и на Дальнем Востоке».

В архиве Гуверовского института войны, революции и мира хранится докладная записка пражского отделения «Общего дела» и телеграфного агентства «Унион» о необходимости доставки в его адрес в Чехословакию русских кинофильмов для ведения

Автобиография Льва Магеровского, хранящаяся в архивах РЗИА в Славянской библиотеке (Прага)

с помощью экрана агитации в пользу русских сил, борющихся с большевизмом. Датирована она 24 сентября 1920 года, и автором является, конечно же, Лев Флорианович. Но это будет позже, осенью, а до этого Магеровский успел очень многое.

Ему была присуща удивительная энергичность – 23 марта Лев Флорианович прибывает в Прагу, а уже 18 апреля излагает Эдварду Бенешу три основных пункта меморандума о помощи русским беженцам. Энергичность, работоспособность, умение сразу включиться в ситуацию и негромко, неброско делать важнейшие, по сути, вещи, – главные черты характера Магеровского.

В том же 1920-м году он основал в Праге телеграфное агентство «Руссунион», создал канал для передачи европейской прессе, телеграфным агентствам и огромному эмигрантскому сообществу достоверных сведений о том, что происходит в России. «Руссунион» просуществовал почти до самого начала второй мировой войны, когда в связи со все ухудшавшейся международной обстановкой Льву Флориановичу пришлось его закрыть.

T-RZIA
4-0074
1-00764

1. Матеровский Левь Флоріановичъ.
Среднее образование: началъ въ гимназии имени
имени герцога Риншеве въ Одессѣ, продолжилъ
въ Владимирскомъ Казейскомъ Курьезе
въ Кіевѣ, конч. окончилъ въ 1914г.
(въ 1914г. былъ зачисленъ врикарлатъ мѣд. вѣдѣ въ Петербургъ)
высшее образование: началъ въ Император-
ской Военно-юридической Академіи въ Петро-
-градѣ въ 1917г., затѣмъ продолжилъ на
юридической факультетѣ Императорскаго
въ Владимира въ Кіевѣ и закончилъ на
Р. Юриды. Факультета въ Братель въ 1927г.
Служилъ активно военною службой началъ
въ 1914г. - танкеромъ Михайловскаго Арбата,
- рійскаго Фришца въ Петроградѣ, Фришкеней
въ офицера артиллеріи въ 1915г. въ Дришкеней
- цуно Архиво (того-западная фронтѣ). въ 1916г.
- началъ службу въ воздушной стрѣль. штаба VIII-ой
арміи (ген. Брусиллова). въ 1917г. былъ командо-
- рованъ въ Александровку въ Юридической
Академіи, подвергся конкурентнымъ возбу-
- жденіямъ и ушелъ изъ академіи.
Журналистическую работу началъ до войны.
Во время войны въ редакціи Коммуниста VIII-ой
Арміи ген. Брусиллова былъ военный корреспондентомъ,
"Кіевлянина", Крамлетомъ, тисаніе въ фронтѣ
въ одесситѣ и степольничка газетѣ. Работалъ тамъ
аккумуляціи Украинѣ въ 1918г. работалъ въ газетѣ
"Голосъ Кіева" (С. Кіевлянина, закрытой зарп. вѣдѣ
мш), "Кіев. Стрѣль" и др. газетѣхъ союзническихъ ориен-
- тации. Во время этого украинск. районѣ въ украин-
- русскій издавалъ и въ слѣдѣ біографіи, вѣдѣхъ
слѣдѣ р. государствѣ. Всесградѣ, александрѣ (Петербур-
- гскій). Александрѣ - ТМФ). въ 1918-1919. писалъ по др.
руководствѣ проф. К. Поддано сѣбѣ работу по каже-
- ре сфабриковки и под. Экономіи: "Развитіе поэзіи и прозы
граждѣ въ Россіи въ XX столѣтіи".

Автобиография Льва Матеровского, хранящаяся в архивах РЗИА в Славянской библиотеке

Еще одной сферой приложения сил Магеровского стало сокольское движение. Именно в Праге в 1921 году была создана первая организация «Русского Сокола» за границей, в конце 1923 года в Праге состоялся Первый съезд Русского сокольства за границей, на котором было заложено основание Союзу русского сокольства за границей, а уже через полгода на Жижковском стадионе состоялся Первый слет русских соколов. «С 1920 года принимал участие в русском сокольском движении», – пишет Лев Флорианович в автобиографии. С 1924 года он член правления «Русского Сокола» за рубежом, его секретарь, с 1931 года староста «Русского Сокола» в Праге и заместитель старосты Союза русского сокольства за границей.

Но и этого мало неутомимому Магеровскому. В 1921 г. в Праге создается Союз русских литераторов и журналистов, который в 1922-м был переименован в Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике, и Лев Флорианович являлся одним из инициаторов его создания. «Член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии со времени его возникновения, ныне – товарищ председателя этого союза», – пишет он в автобиографии.

Лев Магеровский был автором целого ряда исследований, касающихся различных аспектов жизни русского эмигрантского сообщества. Часть этих исследований публиковалась в «Ежегоднике Чехословацкой Республики» (Rocenyk CSR), издававшемся в 1922-1933 годах Антонином Гайном, политиком и публицистом, представителем Чехословацкой партии народной демократии. Так, например, в 1928 году было опубликовано первое статистическое исследование разделения политических взглядов русских эмигрантов. Магеровский является автором «Библиографии газетного собрания Русского заграничного исторического архива за 1917-1921 годы», изданной в Праге в 1939 году, ряда статей о русской печати в годы революции, гражданской войны и в эмиграции в журналах «Книжный указатель», «Славянская книга» и других, а также публикаций в однодневной газете «День русского инвалида» и «Русском сокольском вестнике».

О разносторонних знаниях и интересах Льва Магеровского говорит тот факт, что он прочел цикл лекций на тему «Армия

и государство» в рамках работы «Кружка по изучению первой мировой войны», который действовал более десяти лет при Русском народном университете.

Однако главным делом Льва Флориановича стала работа во РЗИА – Русском заграничном историческом архиве.

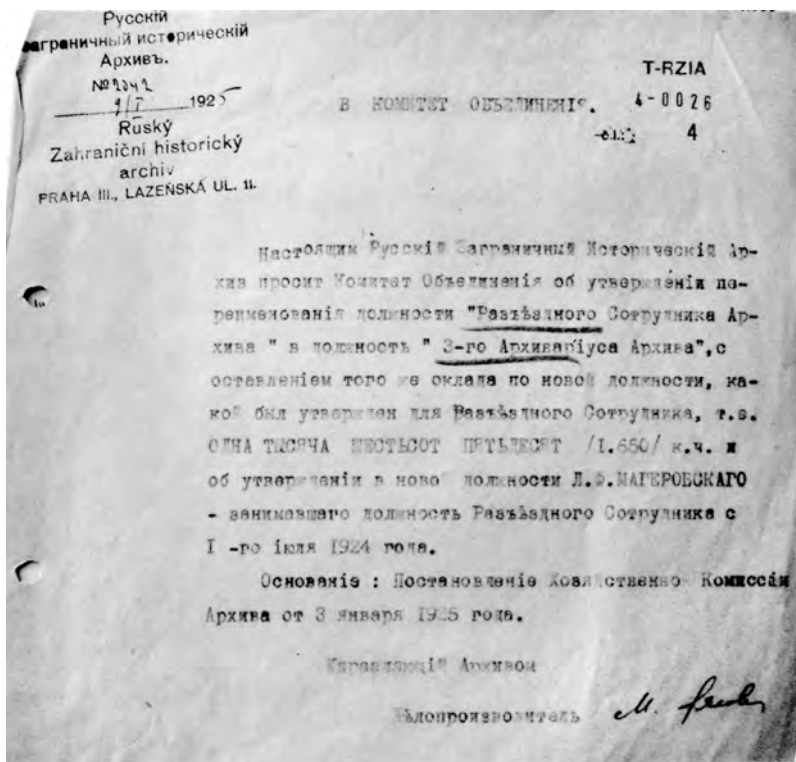
Русский заграничный исторический архив был основан в Праге в феврале 1923 года в рамках Русской акции помощи. Архив возник при культурно-просветительском отделении Земгора (организации русских земских и городских представителей в Чехословакии), и целью его являлось документирование жизни русской эмиграции. Возглавил РЗИА адвокат Соломон Яковлевич Гуревич.

С 1928 года архив перешел в подчинение министерства иностранных дел Чехословакии, и руководство им было поручено чешскому историку Яну Славику. В научный совет архива входили такие выдающиеся ученые, как А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, В.А. Мякотин, А.В. Флоровский. Благодаря финансированию в рамках Русской акции помощи РЗИА содержал собственных сотрудников из числа эмигрантов в тех странах, где русская община была наиболее активно представлена. Таким образом осуществлялся сбор не только собственно документов, но и приобретение огромного количества периодических изданий на русском языке, выходивших во Франции, Германии, Польше, Великобритании, Югославии, Китае и многих других странах.

РЗИА состоял из трех отделов: отдела документов, которым руководил Александр Филаретович Изюмов, отдела книг и журналов (библиотеки), которым руководил Сергей Порфирьевич Постников, и отдела газет, которым руководил Лев Флорианович Магеровский.

Лев Магеровский начал работу в РЗИА 1 июля 1924 года – сначала на должности разъездного сотрудника, а с 3 января 1925 года – на должности 3-го архивариуса архива. В апреле 1926-го Льву Флориановичу было выдано удостоверение о том, что он уполномочен вести переговоры с учреждениями и лицами о передаче ими в архив материалов исторического значения.

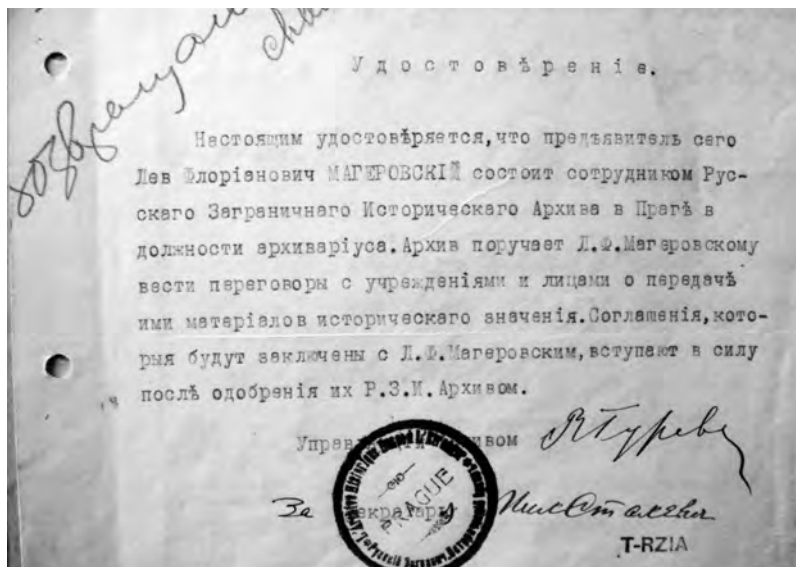
Создание в Праге Русского заграничного исторического архива было, наверное, самым большим вкладом в сохранение русского культурного и политического наследия. И самым, пожалуй,

Справка из РЗИА

хлопотным отделом из трех (рукописного, библиотечного и газетного) был именно газетный, которым заведовал Магеровский. За период с 1923 по 1945 год в архиве были собраны десятки тысяч экземпляров газет и журналов более четырех тысяч наименований. Значение собрания периодических изданий русской, украинской и белорусской эмиграции, хранящихся ныне в пражской Славянской библиотеке, настолько велико, что в 2007 году ЮНЕСКО внесла его в свой реестр всемирного культурного наследия «Память мира».

Сразу после освобождения Праги советскими войсками под давлением Москвы правительство Чехословакии передало РЗИА

Удостоверение РЗИА

«в дар Академии наук СССР в связи с ее 250-летием», поставив под удар множество людей, информация о которых содержалась в документах архива, а Лев Флорианович Магеровский с семьей перебрался в американскую оккупационную зону Германии, где участвовал в создании греко-православной церковной общины для спасения бывших граждан СССР от принудительной выдачи в советскую зону оккупации. Через несколько лет, в 1948 году, Магеровские переезжают в США. Так начался американский период жизни Льва Флориановича.

Материалы РЗИА, кропотливо собиравшиеся более двадцати лет, оказались в недоступном советском «спехране», и Лев Флорианович Магеровский берется повторить весь путь сначала и воссоздать русский архив в Америке. В США был жив и деятелен бывший посол российского Временного правительства Борис Александрович Бахметев, который много лет собирал документы русской эмиграции. Результатом их встречи стала идея создания архива русской эмиграции, хранителем которого стал Лев Флорианович.

Александр Исаевич Солженицын, хорошо знавший Льва Магеровского и не единожды прибегавший к его услугам, в своих очерках изгнания «Угодило зернышко между жерновов» подробно описывает историю архива:

«История архива такова: с 20-х годов русская эмиграция собирала в Праге богатый архив воспоминаний и документов – ведь целая мыслящая Россия выехала, это был большой кусок живой России, клад для истории. Но в 1945 Советы оккупировали Прагу – и проглотили архив, увезли в Москву. С тех пор его концы наружу не подавались: очевидно он – «спецхран», спецдопуск, или вовсе закрыт. Можно рассчитывать только, что большевики его не уничтожили и не успеют потом, и сохранится архив для нашей истории дальней, но не ближней. Однако русская эмиграция, в основном перевалившая в ту войну за океан, – нашла в себе энергию начать в Нью-Йорке собирать новый архив, второго эшелона, а главное: нашла людей, память и факты для новых воспоминаний, доказав свою глубину и жизненность. Душой и хранителем стал профессор Лев Флорианович Магеровский, один из сотрудников прежнего пражского архива, главные организаторы кроме него – Б.А. Бахметев, последний посол Временного правительства в Штатах, и американец Филипп А. Мозли, друг России. Бахметев распорядился и оставшимися русскими деньгами («бахметевский фонд»), так что некоторые средства были, – а как с помещением, статусом? В это время ректором Колумбийского университета был генерал Эйзенхауэр, в последний год перед своим президентством, – и предложил архиву приют в университете. Никакого делового письменного соглашения при этом заключено не было (но и что ж Бахметев смотрел?), а – по-джентльменски. Так и пошло, с 1951 года. Дали вентилируемый подвал без окон, и в тесноте да не в обиде Магеровский четверть века собирал и собирал воспоминания – большого охвата, от давнего революционного движения, и более всего Белого, находил возможных авторов, уговаривал их, пока живы, писать, сдавать на хранение, лично на себя принимал условия: от некоторых – секретности, от других – непременно возврата по требованию. Бился он все сам, без штатов, за малое вознаграждение из бахметевского фонда, да помогал ему сын, кончавший тот же университет. Не было ни людей,

Лев и Евгений Магеровские, 1960-е годы

ни средств, ни места для научной обработки, каталогизации, аннотирования. Магеровский, высохший изящный старичок, все держал в памяти, среди тесных полок и по нескольку архивных дел в одной коробке, – все находил преотлично, быстро, а еще был властен не допускать коммунистически подозрительных лиц – и не допускал. Архив скромно действовал – для эмиграции, для честных ученых. Таким я его застал летом 1975».

Со временем Бахметевский архив стал вторым по размеру хранилищем документов русской эмиграции в мире – после Института Гувера. И в основном это является заслугой Льва Магеровского. К концу 1977 г. в архиве было собрано около 600 коллекций, содержащих более 2 миллионов архивных единиц. Лев Флорианович настоял на том, чтобы при архиве был создан – по примеру РЗИА – попечительский совет из представителей русской культуры за рубежом. В комитет входили: профессор М.М. Карпович (председатель), А.Л. Толстая, М.А. Алданов, Б.И. Николаевский, а также проживавшие в Париже лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин и общественный деятель В.А. Маклаков.

Благодаря самоотверженной деятельности Льва Магеровского по сбору и хранению документов и материалов в течение 26 лет (1951-1977) стало возможным сохранить целый пласт истории русского эмигрантского движения, по этим материалам написаны десятки книг и монографий, около сотни диссертаций и множество научных работ.

В 1977 году, через несколько лет после смерти Бахметева, архив был передан библиотеке Колумбийского университета, а Лев Флорианович был вынужден выйти в отставку.

Жизненный путь Льва Флориановича Магеровского окончился 8 июля 1986 года. Он похоронен на семейном участке Флашинговского кладбища в Квинсе, Нью-Йорк. Семья просила всех желающих почтить память усопшего жертвовать на свои храмы или в благотворительные организации по собственному выбору.

А в апреле 2011 года сотрудники Дома русского зарубежья имени А. Солженицына побывали в доме семьи Магеровских в Нью-Джерси, где Екатерина Викторовна Магеровская – невестка Льва Флориановича и вдова его сына Евгения Львовича – передала музейному фонду Дома семейный архив отца и сына Магеровских.

